

Чтение — праздник души

Наталья ДОБРЫНИНА,
Российская государственная библиотека

Классика и наши дети

На площадке перед зданием Российской государственной библиотеки (бывшей Ленинки) стоит памятник Ф.М. Достоевскому. Не очень давно я была свидетельницей такого разговора между сравнительно молодой женщиной и ее дочерью — подростком лет 11—12.

— Мам, кому этот памятник?

— Ленину, конечно, — чуть задумавшись, отвечает мать. — Ведь это Библиотека им. Ленина!

Вот так-то...

Проблема передачи культуры от старших к младшим — сложная и, как видим, многогранная, вплоть до анекдотических поворотов.

В культурной эстафете велика роль классики — памяти человечества, сокровищницы его культуры.

Сценка, очевидцем которой я стала, смешная и трагичная, наталкивает на размышления о том, как «живется» классике в духовном мире наших детей, помогаем ли и каким образом мы, взрослые, ее «жизни». Может быть, эта помощь бессмысленна? Или направлена куда-то не туда?

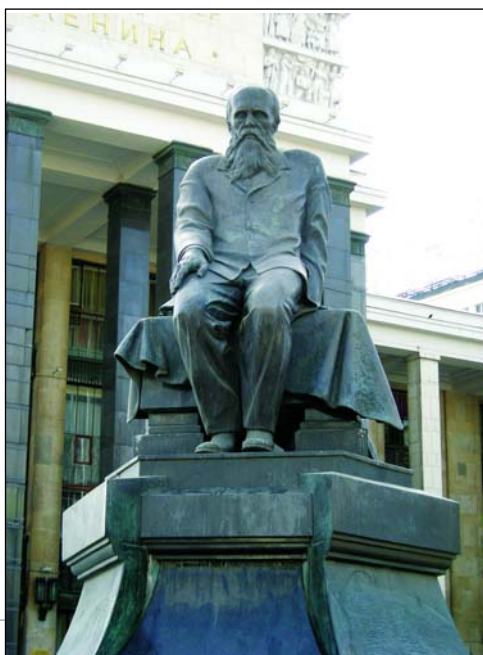
Общепринято относить к классике лучшие, наиболее совершенные, «отстоявшиеся во време-

ни» образцы научного и художественного творчества. Толковые словари, как правило, подчеркивают обязательность мирового признания этих образцов и столетиями сохраняющееся их нетленное значение.

Тем не менее хочется обратить внимание на то, что классики науки и искусства — не застывшая навеки некая «обойма» творцов. Круг классиков может пополняться новыми именами, из него могут вытесняться и не выдержавшие испытание временем — как устаревшие — явления, и неугодные по конъюнктурным соображениям для данного времени объекты.

Однако, вместе с тем, действует еще и обратный процесс: великие плоды творчества обладают аксиоматической ценностью открытия потенциала человека и его мира, независимо от субъективистского к ним отношения, и что-то незаслуженно выбывшее из состава классики переосмысливается последующими поколениями и возвращается ими опять на почетный пьедестал. Так что классика, пройдя испытание временем, становится неподвластной его крутым виражам, устойчивой в ожидании

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

своего звездного часа, чтобы быть в строю служения людям. Она неистребима как мифический Феникс: способна возрождаться из пепла.

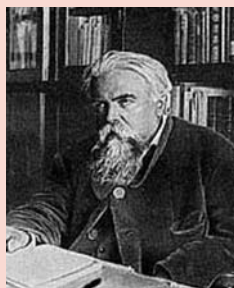
слов». А в годы перестройки толстенный том Гомера, выпущенный издательством «Книжная палата», был быстро распродан.

Ф.М. Достоевский

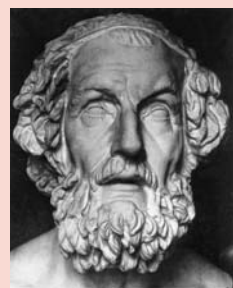
Ф.И. Тютчев

Н.А. Рубакин

Д.Д. Шостакович

Гомер

Фактов, характеризующих трагические ситуации отечественной классики у нас в стране, немало. Вплоть до хрущевской «оттепели» были, например, исключены из литературной классики Ф.М. Достоевский и Ф.И. Тютчев, из научной — Н.А. Рубакин.

Долгие годы «не принимался» в классики композитор Д.Д. Шостакович. И противоположная тенденция: с конца 1980-х гг. в ряду русских классиков признаны писатели А. Платонов, М. Булгаков, И. Шмелев, ученый Н. Вавилов, философы — русские евразийцы.

Понятно, что подрастающее поколение в своем отношении к классическому наследию целиком зависит от времени и от взрослых, решающих судьбы творцов науки и искусства. Сейчас — не без учета прагматизма рынка и СМИ...

Зависимость от времени — это темп и ритм жизни в тот или иной период, а также объективная социокультурная ситуация, связанная с вызовами эпохи, с состоянием просвещения.

Технические нововведения (прежде всего, в сферах человеческой коммуникации) перманентно ускоряют темп развития цивилизации и меняют ритм этого развития. Последующие поколения поэтому нередко воспринимают, например, произведения литературы минувших эпох как нечто излишне многословное, нудно разжевывающее то, что и так ясно. Любопытно в этом отношении высказывание Франсуа Вольтера, который (иронизируя над велеречивостью?), осмеивая культуру древних, писал: «Только греки умели вложить так мало мыслей в такое множество

В постижении классики зависимость от времени проявляется и в сложности понимания языка литературы и искусства, и в познании реалий прошлого. Примеров тому множество. По крайней мере, для двух поколений советских людей были «темны» библейские сюжеты во всех сферах искусства. Современное же юное поколение, не понимая, отталкивает, например, лексику и стилистику литературы XIX века. Даже при восприятии классики детской литературы XX века у сегодняшнего маленького слушателя нередко возникает непонимание. Вот, скажем, четверостишие из «Игрушек» А. Барто:

*Идет бычок, качается,
Вздыхает на ходу:
«Ох, доска кончается —
Сейчас я упаду!»*

Ничего не ясно малышу, потому что такой игрушки с деревянным бычком, спускающимся с наклонной дощечки, уже нет.

Трудно переоценить поэтому роль взрослых знатоков в продвижении классики в юную среду. Семья, образовательно-воспитательные и культурно-просветительные учреждения, средства массовой информации, кинематограф и театр, книгоиздательская и книготорговая системы — все это источники, способные пробудить и питать интерес юных читателей, зрителей и слушателей к классике или не развивать и, более того, убивать его. Но если интерес не пробуждается и не развивается, возникает опасность разрыва культурной традиции и далее — взаимного непонимания между поколениями.

В большинстве семей ребенок с первых лет жизни включен в мир классики, прежде всего литературной, в устном пересказе или чтении вслух сказок Пушкина, Аксакова («Аленький цветочек»), В.Ф. Одоевского («Городок в табакерке»), Шарля Перро и Х.К. Андерсена. Они надежные привратники этого мира. В читательских автобиографиях, собранных в разные годы многими исследователями чтения, классические образцы детской литературы названы среди любимых, светлое восприятие которых пронесено сквозь годы.

Вплоть до 1960-х гг., когда в нашей стране стремительно начала расти повсеместно телевизионная сеть, мощным каналом популяризации классики было радио. В разнообразных и всегда интересных передачах оно знакомило самые широкие круги населения, включая детей, с лучшими произведениями отечественной и зарубежной музыки, литературы, театра.

Ребятам 1940 — 1950-х гг. повезло слышать по радио отличные инсценировки произведений Лермонтова, Гоголя, Гюго, Диккенса, полюбить «Детский альбом» Чайковского, песни Шуберта, «Картинки с выставки» Мусоргского, музыкальную сказку Прокофьева «Петя и волк» и др.

Телевизор поначалу тоже продолжил эту благородную просветительскую традицию, довольно широко знакомил своих зрителей с мировым классическим наследием. Но постепенно это культурное пространство информации сузилось до одного специализированного экрана — канала «Культура» (слава Богу, что он хоть есть! И не корежит трансляцию своих сюжетов внезапными перебивками с призывами переориентировать мозги: куда-то немедленно ринуться и что-то там безотлагательно приобрести). Однако этот канал популярен не во всех слоях населения, оглушенного развлекательными программами и пространными сериалами на других каналах, засильем приоритета шоу, «попсы» вперемежку с новостной и рекламной информацией.

Немного надежд сегодня и на школу, которая в былые времена вела обязательную экскурсионно-просветительскую ра-

боту: учащихся водили в музеи и на художественные выставки, в театры и на программные музыкальные концерты. Теперь эта работа ослаблена, главным образом в связи с финансовыми трудностями, но и не только поэтому. Немаловажное значение имеет здесь личностная установка учителя — насколько он понимает необходимость такой работы и насколько он сам увлечен ею.

Существенным средством популяризации классики является кинематограф, традиционно обращающийся к экранизациям художественных произведений. Но роль экранизаций в развитии интереса к литературному первоисточнику неоднозначна. Кино может усилить этот интерес, раскрыть в нем новые грани или, наоборот, вовсе не вызвать его, выступить заменителем чтения. Социологические исследования Российской государственной библиотеки 1970 — 1980-х гг., охватившие разные группы населения, среди которых значительную часть составляли дети и юношество, показали, что почти половина опрошенных желала бы обратиться после просмотра фильма к чтению произведения, послужившего его основой, а второй половине достаточно кино. В числе причин сравнительно активной побудительной роли кинофильма исследователи подчеркивали три: силу эмоционального воздействия экранизации как произведения аудиовизуального искусства; непосредственность связи фильма и литературного первоисточника (каждый из них своими средствами выражает общую для обоих фабулу); сравнительную легкость поисков источника — это часто одноименная с фильмом, широко известная книга.

Большинство людей, стремящихся в результате просмотра кинофильма обратиться к книге, объясняют это желанием сопоставить экранизацию с литературным текстом или вновь неспешно пережить эмоции и мысли, вызванные фильмом. В исследовании РГБ «Книга и чтение в жизни небольших городов» (1969 — 1971) встречались, например, такие высказывания о «Войне и мире»: «Я не поняла ясно всего в картине, разобраться хочу: кто ведет войну, что за Бородинское сражение. В книге лучше, а там не поймешь»;

«Там очень хорошо герои играют, особенно о Наташе побольше узнать хочется, так как после кино есть какие-то неувязки». Об «Анне Карениной»: «Фильм не понравился, да и споров было много. Хочу разобраться».

«Хочу разобраться» — эти слова можно считать лейтмотивом отношения юношества к родной культуре во второй половине минувшего века. А что за душой современного школьника?

В качестве попытки ответить на этот вопрос мне удалось в одной из московских школ провести среди учеников двух параллельных девярых классов короткий анкетный опрос в школьный час. Я выбрала 15 имен русских классиков литературы, музыки и живописи и попросила ответить, кто из них кем является, какие произведения этих авторов данному школьнику известны, читал ли он названное, слышал ли его (если это музыкальное произведение), видел ли (если это картина). В число авторов я не включала таких корифеев, как Пушкин, Л.Толстой или Чайковский, но все указанные в списке имена, мне казалось, стыдно не знать любому юному гражданину, так или иначе погруженному в отечественную культуру.

Все дружно обрадовались И.И. Шишкину, все написали, что он художник, но точное название его самой знаменитой картины помнил только каждый четвертый. Остальные называли: «Мишки», «Медведи», «Три медведя» или «Мишка косолапый» (могучее влияние конфетной обертки).

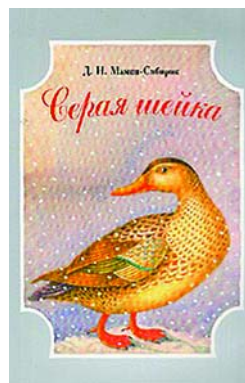

И.И. Шишкин. Утро в сосновом лесу

Лишь четверо знали, что С.В. Рахманинов — композитор. Половина опрошенных оставили против его имени прочерк, остальные ответили наугад: писатель, поэт.

И.С. Тургенева узнали все, но только две девочки сообщили, что они читали «Записки охотника» и один мальчик — «Отцы и дети». Остальных хватило на «Му-му».

Пятерым оказалось незнакомым имя Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка. Но среди тех, кто знает, что это — писатель, лишь четверо рискнули заполнить графу «Назови хотя бы одно его произведение». В этой графе одна девочка написала: «Что-то про зайцев», а трое приписали Мамину-Сибиряку «Гадкого утенка». А я-то надеялась, что ребята вспомнят «Серую шейку»...

Наверняка либо сами читали в детстве, либо слушали, как дома им читали это славное произведение взрослые. Ясно, что такой важный элемент культуры чтения, как благодарное внимание к автору, проскочил мимо сознания чтецов.

Мой маленький эксперимент, конечно, — всего лишь разведка. Но печальный результат его говорит о культурном оскудении нынешних юных, о том, что существует разрыв между поколениями в осведомленности, касающейся родной культуры.

В журнале «Школьная библиотека» № 5 за 2007 г. я нашла подтверждение своим выводам.

Сотрудники Центра социологии образования РАО провели опрос 2510 учащихся московских школ, предложив ребятам назвать авторов 20 произведений, изучавшихся в классе. В итоге оказалось, что «даже отличники могут дать правильный ответ лишь относительно половины предусмотренных программой литературных произведений».

До реформаторских шатаний в сфере образования средняя школа давала «стар-

товый капитал» в области литературной классики. Именно «стартовый капитал». Исследование середины 1980-х гг., которое проводилось Российской государственной библиотекой в ряде регионов страны, показало, что при естественной вариативности школьных программ творчество восьми писателей-классиков (Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Некрасова, Л.Толстого, Чехова, Горького и Маяковского) включалось как монографические темы во все курсы для старшеклассников. В отборе произведений для детального анализа на уроках были, разумеется, определенные различия, но все же можно быть уверенными в том, что родители сегодняшних школьников располагали основной базой осведомленности в литературном классическом наследии.

Роль школы в организации чтения дореволюционной отечественной литературы была существенна. Так, по данным упомянутого выше исследования «Книга и чтение в жизни небольших городов», названные юношеством произведения этой литературы распределялись следующим образом: 56% — программные тексты; 25% — внепрограммные тексты программных авторов; 19% — произведения внешкольной программы.

В те далекие годы исследователи могли делать такой спокойный, оптимистический вывод: «Учащиеся читают “Анну Каренину” или “Тихий Дон” иначе, чем взрослые, не только из-за недостатка жизненного и эстетического опыта, но и потому, что перед ними стоят особые жизненные и мировоззренческие задачи».

У современного старшеклассника те и другие задачи — совсем иные, чем у их родителей. Учителя-словесники в трудном положении сегодня не только в связи с этим обстоятельством, но еще и потому, что литература третируется в нынешних школьных программах. И многие учителя, а иногда и отдельно взятый школьный педсовет единодушно склонны мириться

с тем, когда их ученики, лениво откладывая пухлые тома романов Л. Толстого, узнают об «Анне Карениной» и «Войне и мире» хотя бы из экранизаций. Однако зрелищная киноверсия по своей природе — иное произведение. Это уже не перевод с одного языка на другой, а интерпретация, и как субъективная, самостоятельная трактовка выражает творческое переосмысление скульптора, живописца, музыканта, актера, танцовщика, а в данном случае кинорежиссера, что со своими критериями смысла и эмоциональной выразительностью никак не может являться адекватной подлиннику. А в чтении человек погружен в эмоционально-событийную атмосферу подлинника, в которой формируется его личностное мироотношение, этическая и эстетическая позиция.

Убогие требования к выпускникам, сдающим единый государственный экзамен, в то же время представляют собой приказ, который обращен к нерадивой солдатской массе, или еще того хуже — карательное предупреждение бедолагам «шаг — влево, шаг — вправо!..». Сочинения — только по планам-болванкам,

включенным в выпуски «Практикум по подготовке к ЕГЭ». Малейшее отступление ведет к потере «очков». Не случайно поэтому так низок рейтинг литературы у сегодняшних старшеклассников. В той же публикации Центра социологии образования приведены данные, характеризующие привлекательность этого школьного предмета: в начале 1990-х гг. литература нравилась 36% опрошенных; в 2000 г. — 10%, а в 2005 г. — 7,3%.

Как же сегодня вернуть любовь школьников к художественной литературе, учитывая, что читателей

среди них стало в 2,5 раза меньше, чем даже 10 лет назад, не говоря уже о годах детства и юности их родителей?

Справедливо считая чтение наиболее эффективным путем духовного развития личности, творчески относящиеся к сво-

ЧТЕНИЕ В СИСТЕМЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

МОСКВА
2007

ей работе учителя и библиотекари ищут новые подходы раскрытия перед учениками нетленности классического наследия.

В большинстве случаев они стремятся обращать внимание ребят прежде всего на нравственную сторону текста. Педагоги видят свою задачу в возможности обогащения этического опыта школьника, его представлений о нравственных нормах и ценностях (понятия милосердия, совести, благородства, чести и т.д.).

В этом плане интересен опыт преподавателя русского языка и литературы Центра образования № 80 Санкт-Петербурга Т.И. Зражевской. В сборнике «Чтение в системе социокультурного развития личности» (М., 2007) она поделилась своими находками при освещении перед старшеклассниками наследия М.Е. Салтыкова-Щедрина. Учительница исходила из того, что произведения писателя-сатирика созвучны современности, и выделила в них такие пары контрастных понятий: власть и человек; стяжательство и благотворительность; инициатива и бездействие; духовность и безнравственность.

Идя от интереса учащихся к этим нравственным категориям, Т.И. Зражевская старалась развить креативные возможности ребят.

После изучения «Истории одного города» и ряда сказок Салтыкова-Щедрина старшеклассники должны были подготовить самостоятельные творческие работы: придумать свое окончание произведения; написать сказку в подражание писателю и посвятить ему; «переписать» сказку с учетом современности. Оригинальные задания в эпистолярном жанре: письмо о событиях от имени одного из героев; письмо учителю; письмо сказочному персонажу и т.д.

Автор публикации подчеркивает, что усилия педагога должны быть направлены на то, «чтобы дать толчок, одухотворить ученика с тем, чтобы он стал сочинять, придумывать, творить».

А что может дать толчок сильнее, чем высокохудожественный текст? Очень важно, что в таком активном постижении классических произведений происходит не только подпитка нравственности юного читателя, но и развитие его эстетического вкуса, выработка необходимых критериев оценки прочитанного, погружение в глубины родного языка.

И еще несколько важных моментов, определяющих значимость классики сегодня. Их ярко подчеркнул ректор Литературного института им. М. Горького, доктор филологических наук Б.Н. Тарасов: «Классика — это основа самосохранения нации в ситуации, когда массовая культура заполняет сознание не только учащихся, но и педагогов. Мало кто понимает, для чего все эти инновационные революции, скачки в экономике и технике, если *плохо человеку*. А классическая литература дает ответ на подобные вопросы».

Но получить нужный ответ можно только если найдешь время по-настоящему погрузиться в текст, а не просто для информации пролистать его; если найдешь в себе силы оторваться от духовного наркотика — компьютерной игры и если сократишь часы тусовки с друзьями.

В заключение хочу обратиться к Пушкину. Мне кажется, что классика — это то волшебное нелицеприятное зеркало, взглянув в которое многоликий читатель может спросить:

*Свет мой, зеркальце, скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее...?*

— и в ответ услышать:

Ты прекрасен, спору нет!

Ибо в отражении он увидит себя не только в моральном облике, но и кузнецом добра и красоты в мире, где на его долю выпал долг созидания и хранителя счастья.

